

И. Ф.
ГОРБУНОВ

Сочинения

Иван Федорович Горбунов
Утопленник
Серия «Сцены из народного быта»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2525285

Горбунов И.Ф. Сочинения: М.; 2011

Аннотация

«Тут он и жил. И грабил как... страсть! Проезду не было. Дедушка покойник сказывал, — он еще махонькой в те-поры был, — бывало, говорит, соберет махоньких ребятишек к себе, в лес, и ничего, не трогает; не то, чтобы, к примеру, бил, али что, — ничего. Ходи, говорит, ребята, завсегда...»

Иван Федорович Горбунов

Утопленник

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Потап,

Кузьма,

Матвей,

Демка, работники на перевозе.

Никитка, племянник Потапа, 7 лет мальчик.

Открытый шалаш на берегу реки. На реке паром.
Занимается заря.

Кузьма.

Как книжка-то прозывается?

Матвей.

«Черный гроб или Кровавая звезда».

Потап.

Книжка занятная. В старину, говорят, и в нашей стороне тоже разбойник жил. Знаешь Булаткин лес... там просека-то...

Кузьма.

Как не знать.

Потап.

Тут он и жил. И грабил как... страсть! Проезду не было. Дедушка покойник сказывал, – он еще махонькой в те-поры был, – бывало, говорит, соберет махоньких ребятишек к себе, в лес, и ничего, не трогает; не то, чтобы, к примеру, бил, али что, – ничего. Ходи, говорит, ребята, завсегда.

Матвей.

Ребят он не трогает. Парнишку махонького за что? Хошь бы вот Микитку? Его за виски, коли он забалуется... вот его сейчас. (*Берет Никитку слегка за волосы*). Что, чертенок?

Никита (*смеется*).

Больно!

Матвей.

А тебе не больно хотца? (*Никитка смеется*). Постой, я тебя произведу. Бог даст, подрастешь, – репу воровать обучу. Ишь ты верченой!

Кузьма.

А ты, Микитка, скажи: я, мол, и без тебя воровать-то умею.

Никита (*смеется*).

Я и без тебя воровать-то умею.

Матвей.

Умеешь?! Ах, ты, паршивой! Так ты умеешь?!... (*Тянется к нему; Никитка, с звонким смехом, прячется за Потапа*).

Кузьма.

Микитка, скажи: жену, мол, свою собственную на чаю пропил.

Никита.

Жену на чаю пропил.

Кузьма.

Свою собственную.

Никита.

Собственную.

Матвей.

Убью! За ноги, да так в реку и брошу, и матери не скажу.

Никита.

Не смеешь!

Потап.

Полно, дурашка! Ложись так-то. (*Никита ложится на армяк*).

Матвей (*одевает его*).

Где такой вор-парень родился, в каком полку он служить будет, на какой народ воевать пойдет?..

Потап.

Раз дедушка с ребятами пришел к нему...

Кузьма.

К разбойнику-то?

Потап.

Да... в лес-то. А он и говорит: скажи, говорит, старосте, чтобы непременно в Спасов день на поклон приходил, а то, говорит, красного петуха к вам пуцу. Староста заартачился, а он ночью село с обех концов и зажег. Все тогда погорело! Церква была у нас большая – и церква сгорела. Вот где теперь крест-то стоит, тут церква была. В те-поры, как она погорела, крест на самом на этом месте и поставили, чтобы во веки веков стоял... Чтобы, значит, чувствовать.

Кузьма.

Чтобы мы это понимали.

Потап.

Да, известно. Как, значит, тут церква была и вот тепе-рича, например, крест. – И это, дедушка сказывал, как эта самая церква загорелась, сейчас до самого неба огненный столб встал... верст за пятьдесят его было видно. И стоял этот столб...

Демка (*входит*).

Словно бы по берегу кричит кто-то.

Матвей.

Что ж, пушай кричит.

Демка.

Может, тонет кто.

Кузьма.

Мелко, не утонет.

Потап.

Коли ежели около дубу кто сорвался – утонет: там глубоко!

Демка.

Лодку нешто отвязать...

Матвей.

Что-те коробит-то... черт.

Демка.

Да мне все одно, я так сказал. (*Садится*).

Матвей.

Кто теперь на реку пойдет, кому нужно?

Демка.

Я, братцы, одна тонаул.

Матвей.

Пьяный?

Демка.

Выпимши.

Матвей.

Выпимши нехорошо: долго на воде проваландаешься; а пьяный – любехонько: ровно бы ключик, так и опустишься да сядешь на доньшко пузырики пущать.

Демка (*вздрагивает*).

Страсть!

Матвей.

Река никого не помилует.

Кузьма.

Что говорить!

Потап.

А меня раз в Волге сом за ногу ухватил.
(*Все смеются*).

Матвей.

Вот на черта-то наскочил.

Потап.

Сейчас издохнуть! (*Демка возраживает*).

Матвей.

Да ты что трясешься-то, аль с фальшивым пачпортом по белу свету гуляешь?

Демка.

Да так, братец мой, как вздумаю это я, как было утоп-то, так индо лихоманка прохватывает.

Кузьма.

Да где ж ты это?

Демка.

В прокшинском бочаге.

Матвей.

Эк, тебя лешой-то куда занес!

Демка.

Были мы у кума на менинах, в Прокшине. Ну, известно, напились. И так я этого хмелю в свою голову засыпал – себя не помню. Кума прибил (*все смеются*), тетке Степаниде шаль изорвал... Просто, сейчас умереть, лютей волка сделался. И с чего бы, кажись: окромя настойки, ничего не пили. Кум-то: что ж ты, говорит, мою хлеб-соль ешь, а сам... да как хлясь меня в ухо, хлясь в другое!.. И так мне пьяному-то обидно показалось, кажись бы так вот зубами весь потрох из его выворотил! Вышиб я окно, выскочил на улицу, да бежать. Дело-то в самое в Воздвижение было. Ночь темная, дождик так и хлещет. Выскочил-то я в одной рубахе, да и бегу ровно очумелый, и не знаю куда бегу, больно уж злость-то меня одолела. А собаки со всего-то Прокшина за мной... Батюшки мои! просто на части рвут.

Кузьма.

Вот оказия-то!

Демка.

Бежал, бежал... раз! Сорвался в овраг, да колесом вертелся, вертелся... бултых!..

Потап.

В самой этот бочаг?

Демка

Да.

Кузьма

Ну, чудо!

Демка.

Помню маленько: рукой это по воде-то бью, а голосу уж этого во мне нет. Ровно бы почувствовался, да и думаю: тону. Как вздумал я это, так ко дну и пошел.

Потап.

Значит, испужался.

Демка.

Мырнул опять на верх-то, ударил рукой-то, должно плыть хотел, – в руку мне ровно бы что-то попало. Весь хмель соскочил! Куст тут был; прут от его мне в руку-то и попал; за

куст-то я и уцепился. Тут уж в разум пришел. Вижу, братец: ночь темная, хошь глаз выколи, ветер так и воет. Висел, висел на кусту-то, – слышу: собаки залаяли и огонек показался. И закричал же я, братцы, огонечек-то увидавши!.. Давай теперича тысячу рублей – так не крикнешь. Два года опосля глотка болела. Слышу и там кричат... Народ прибежал с фонарями.

Матвей.

Как же нашли-то?

Демка.

По собакам, собаки означили. Жена за мной выскочила, а за ей и гости, которые побежали. Вытащили меня, привели к куму, опять я этой настойки выпил три стаканчика, согрелся... *(Прислушивается)*. Взаправду, кричат... *(Выбегает из шалаша и снова возвращается)*. Выходи все! *(Все выходят)*. Слышь!

(Все смотрят друг на друга вопросительно; с противоположного берега слышится глухой стон).

Матвей.

Далече!..

Потап.

Окрикни.

Матвей.

Держись!.. Держи-ись!

(Снова слышится стон).

Демка.

Тонет, братцы!

Потап.

Постой *(Прислушивается)*. Да! Чья-то душа Богу понадобится. Отвяжывай лодку. Эка, наша река блажная! Сколько она за лето народу переглодает.

(Берут весла, отвяжывают лодку. Матвей с Демкой садятся).

Потап.

Садись живо. Матюха, отчаливай. Права держи... На-голос ступай. Ах ты, Господи!.. *(Лодка быстро отваливает)*.

Кузьма.

Где найти: долго больно держался-то! Демка-то еще когда сказывал, что кричит.

Потап.

Поди ж ты!

Кузьма.

Слава Богу, что ночь-то светлая. Ишь ты зоря-то... белый день... Да вон, вон... видишь – плещется...

Потап.

И то!

Кузьма (*кричит*).

Вправо забирай!.. (*С лодки слышатся голоса: «держись! держись-с!»*).

Потап.

Бог милостив. Видишь... окунулся. Вон... опять выско-
чил. (*Следят внимательно*).

Кузьма.

Сохрани, Господи, всякого человека.

Потап.

Не видать?

Кузьма.

Опустился!.. Должно, конец его душеньки...

Потап.

Кричит что-то. (*Долго смотрят с напряженным внима-*

нием).

Кузьма.

Вон поплыл, вон поплыл... Должно вытащили. Как-то Бог дал.

(По реке раздается неясный говор; всходит солнце; Потап и Кузьма крестятся; лодка подходит к берегу).

Потап.

Что, братцы?

Матвей.

Подержи лодку-то. Чуть было сам не утоп. Какой тяжелой, Бог с ним. Принимай, ребята.

(Потап с Кузьмой выносят труп на берег).

Потап.

Не опускай на земь. Качай так.

Матвей.

Ничего не поделаешь, – мертвый.

Кузьма.

Взаправду, мертвый.

Потап.

А может... (*Начинают откачивать*). Только, ребята, чтобы не разговаривать, не пужать.

Демка.

Нет, братцы, смотри-ко: спина-то у его как посинела.
(*Все смотрят*).

Кузьма.

Да.

Потап.

Воды много наглотался.

Демка.

Долго оченно. (*Кладут труп на рогожсу*).

Матвей.

Как ухватил-то я его, еще он, ровно бы, жив был.

Демка.

Подошли-то как мы, еще он держался.

Потап.

Мы видели.

Матвей.

Долго оченно в воде-то я его искал. (*Выжимает подол рубашки*). Продрог как... Ухватил я его за волосья-то, словно бы маненько шевелился.

Потап.

Какой здоровенной парень-то.

Кузьма.

Надо быть – купец.

Демка.

Купец и есть: ишь какая одежина-то.

Матвей.

И как, братцы, это он попал?

Потап.

Как попал! Может ограбили да бросили. Большая дорога по той стороне-то пошла...

Кузьма (*покрывая труп рогожкой*).

Отмаялся ты на сем свете, голубчик. (*Никитка выходит из шалаша; слышится звон колокола*).

Потап.

В монастыри к заутрени ударили. (*Все крестятся*).

Упокой, Господи, душу раба твоего.

Все.

Упокой, Господи.

Матвей (*к Никите*).

А ты, что ж не крестишься? Крестись.

Никита (*бессознательно*).

Упокой, Господи, душу раба твоего.

Потап.

Что ж, ребята, теперь ступай к становому. Объявить надо, так и так...

Кузьма.

Затаскают нас, братцы, теперича.

Демка.

Да, не помилуют. Пожалуй, и в острог влетишь!

Кузьма.

Хитрого нет.

Матвей.

За что?

Демка.

А за то.

Матвей.

За что – за то!

Демка.

Там уж опосля выйдет разрешение...

Матвей.

Коли ежели так, я его опять в реку сволоку.

Демка.

Экой дурак! Ты крещеный ли?

Матвей.

Да как же! За что ж меня в острог...

Демка.

Я сидел раз в остроге-то, за подозрение. Главная причина, братцы, говори все одно, не путайся. Месяца два меня допрашивали. Сейчас приведут тебя, становой скажет: «вот, братец, человека вы утопили; сказывай, как дело было». Ничего мол, ваше благородие, это я не знаю; а что, собственно, услыхамши мы крик, и теперича, как человек ежели тонет –

Отвязали мы, значит, лодку...

Кузьма.

Ну вот, ребята, слушай да помни. Чтоб всем говорить одно.

Матвей.

Отвязали мы лодку, подошли к этому самому месту и, значит, вытащили.

Кузьма.

Мертвого?

Матвей.

Вестимо, мертвого.

Кузьма.

То-то.

Демка.

А на счет того, что откачивали – молчи. Потому, скажет: как ты смел до его дотронуться? Какое ты полное право имеешь? Коли ежели человек помер, oprичь станového никто не может его тронуть. Так вы это и понимайте.

Матвей.

Ишь ты, лохматый черт, как он судейские-то дела произо-шел.

Демка.

Я, мол, как свеча горю перед вашим благородием, прикажите хоть огни подо мной поджигать, – я ничего не знаю. «Я, скажет, братец, верно знаю, что это ваше дело». Говори одно: как вашей милости будет угодно, я этому делу не причинен.

Потап.

Так, значит, все так и говори. Баб-то нет, некому над тобой и поплакать-то.

Демка.

Может, матушка родная по ем теперича плачет.

Матвей.

Кто ж, ребята, пойдет?

Демка.

Да я пойду.

Потап.

Ступай, брат. Ты на счет разговору лучше.

Демка.

Я разговаривать с кем хошь могу. (*Идет в шалаи*).

Кузьма.

Ах, господин честной, хлопот нам твое тело белое понаделало.

Потап.

Богу там за нас помолит.